

Роман «Семья Тибо» является важным звеном в развитии европейской «мысли семейной». Мартен дю Гар берет у своего литературного учителя, Толстого, главное: масштабный эпический охват, показанный через призму истории семей, глубокий психологизм героев и рассмотрение семьи как микрокосма общества. Однако он переосмысляет эту традицию, перенося ее в условия духовного и социального кризиса XX века. Семья из нравственного оплота превращается в жертву истории и символ распада, а исторический контекст не оставляет шанса на возрождение, подводя кризис буржуазного мира и буржуазной семьи к логическому и трагическому финалу. Роман-река Мартен дю Гара становится диалогом со Л. Н. Толстым, показывающим, как «мысль семейная» трансформируется в условиях новой катастрофической эпохи.

Библиографический список

1. Роже Мартен дю Гар. Воспоминания (отрывки, перевод Р. Ралова, Н. Столяровой) // М.: изд. Иностранный литература, 1956. – № 12 – стр. 87–118.
2. Зорин, А. Л. Жизнь Льва Толстого. Опыт прочтения / А. Л. Зорин. – М.: Новое литературное обозрение, 2020. – 248 с.
3. Моруа, Андре. От Монтеня до Арагона; [сост., авт. предисл. Ф. С. Наркирье; авт. comment. С. И. Зенкин]. – М.: Радуга, 1983. – 677 с.

Казакова Алина Максимовна

*магистрант (Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы,
г. Москва, Россия)
ar2363679@gmail.com*

АВТОРСКИЙ МИФ КАК ПОСТМОДЕРНИСТСКАЯ ТРАДИЦИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА М. ТУРНЬЕ «ПЯТНИЦА, ИЛИ ТИХООКЕАНСКИЙ ЛИМБ»)

Данная статья рассматривает авторский миф как часть постмодернистского текста. Целью исследования является обоснование особенностей авторского мифа на материале романа М. Турнье «Пятница, или Тихоокеанский лимб». Произведение современного французского писателя представляет собой инверсионный конструкт, который при помощи культурологической переработки мифа становится мифопоэтическим.

Ключевые слова: М. Турнье; авторский миф; роман «Пятница, или тихоокеанский лимб»; постмодернизм.

Авторский миф определяется российским учёным В. А. Пьянзиной как «...наратив, созданный при помощи мифа, как с точки зрения структуры, так и с точки зрения содержания». В контексте исследования данное определение используется по отношению к постмодернистской литературе, поскольку автор произведения, применяя культурные коды, подменяет понятия и создает игровые взаимоотношения с читателем. Миф (по А. Ф. Лосеву) – это «...подлинная и максимально конкретная реальность». Авторский миф нарушает действительность, потому что «... важна не достоверность фактов, а то, как они изображены».

Постмодернизм вводит новые тенденции в романную литературу: игру, карнавализацию и деконструкцию. Авторский миф наделяется следующими чертами: инвертированность (нравственные ценности, социальный статус и эмоциональное восприятие обесцениваются или пересматриваются) и катарсис («вневременен и внеситуативен»).

Одним из примеров подобного литературоведческого явления представляется роман М. Турнье «Пятница, или Тихоокеанский лимб», который базируется на истории Робинзона Крузо. Она представляет собой многовековой опыт европейской культуры и литературы, в основе которого находится поиск идентичности. Герой Д. Дефо сопоставляет себя с европейской цивилизацией, которую не только в подробностях воспроизводит на необитаемом острове, но и навязывает представителю другой цивилизации. В XX в. французский писатель М. Турнье предлагает философское прочтение путешествия к себе, придав ему тем самым общечеловеческий характер.

Мишель Турнье – классик современной французской литературы. Писатель отмечал, что любит «... обращаться к историям, которые всем хорошо известны. Но в этом заключается своего рода игра, которая состоит в том, чтобы, с одной стороны, сохранить букву этой истории, ... но, с другой стороны, рассказать нечто совсем другое». Постмодернист мыслил творчество в сложившейся романной традиции, поскольку его задачей было не обновление формы, а создание нового содержания.

В отличие от авантюрного, многолинейного, хронологически последовательного сюжета романа «Жизнь, необыкновенные и удивительные приключения Робинзона Крузо» Д. Дефо, структура произведения М. Турнье, напротив, концентрическая, что необходимо для раскрытия основного конфликта произведения – одиночества Робинзона на необитаемом острове, и, как следствие, обретения им нового мировосприятия, трансформации в дикаря и отказа от цивилизации. Так, литературный архетип скитающегося Робинзона имеет циклическую природу (отшельник в конечном итоге возвращается на родину, таким образом, круг замыкается). Но трактовка мифа французским автором придает пространственной модели его романа форму прямой, никогда не смыкающейся в круге. Робинзон М. Турнье остался в своей резиденции.

Повествование начинается с кораблекрушения и единственного выжившего, который, достигнув необитаемого острова, пытается восстановить утраченный им и внешний, и внутренний мир. Он реконструирует знакомую ему действительность, изобретая институты губернаторской власти: Палаты мер и весов, Дворца правосудия, Храма. Прежде всего «новый» Робинзон преобразует остров, возделывает его просторы. Как и в романе Д. Дефо, Робинзон М. Турнье переживает стадии развития человечества, в чём ему помогают Труд и Слово. Главный герой ведет дневниковые записи, которые представляют собой повествование от первого лица. Тем самым прослеживается попытка со стороны протагониста осмыслиения проходящего и сохранения здравого рассуждения. Данный вставной элемент не только дополняет произведение, но и позволяет детально рассмотреть произошедшую с героем метаморфозу. В дневнике он размышляет об одиночестве, в одной из записей пишет следующее: «Бог наконец послал мне товарища. Но ... товарищ этот изован из числа тех, кто стоит на низшей ступени человеческого развития».

Окружающие люди – это точка опоры для любого человека, понимает главный герой произведения, но осознает, когда лишается её, вследствие мысли начинают «расшатываться», и реальность интерпретируется иначе. Главный герой помнит прошлое, где Другие – это неотъемлемая часть осознания и познания мира. Ж. Делез и Ф. Гваттари в труде «Что такое философия?» подчеркивали, что «Другой всегда воспринимается как некто иной, но в своем концепте он является предпосылкой всякого восприятия, как иных, так и нас самих. Это условие, при котором можно перейти из одного мира в другой».

В послесловии данного произведения французский писатель отмечал: «Однажды я прочитал „Робинзона Крузо“ Даниэля Дефо – персонаж Пятницы там совершенно потерялся на фоне Робинзона и был принесен ему в жертву. Тогда я решил переписать историю, вернув Пятнице подобающее ему место. Теперь не Робинзон преподносит Пятнице уроки цивилизованной жизни, а наоборот – Пятница обучает своей дикой жизни Робинзона». Подобно английскому писателю М. Турнью отражал суть романа в названии «Пятница, или Тихоокеанский лимб», подчёркивая фундаментальную роль Пятницы в духовном развитии Робинзона Крузо.

М. Турнью состоял в этнологическом семинаре К. Леви-Страсса в парижском Музее человека. Он был убежден, что дики – дети иной, отличающейся от привычной для нас цивилизации, которую полезно изучить. Так, обращаясь к постмодернистской традиции, писатель описал процесс персонажной и ролевой инверсии, то есть произошел отказ от изначальных социально окрашенных ролей господина – Робинзона и слуги – Пятницы. Обретение Пятницей Свободы, а Робинзоном – понимания абсурдности жизнеустройства по принятой в большом мире социальной модели. Писатель отмечал, что роман не является этнографическим, сюжет базируется на «столкновении и слиянии двух цивилизаций».

Для Робинзона Крузо дикарь Пятница – инородное тело, не вписанное в цивилизованную систему бытия. Робинзон страшится не загубленного рисового поля, а того, что его подчиненный абсолютно не воспринимает такие категории, как «...экономия, порядок, расчет, организация...». Пятница, например, считает, что животное нельзя убивать без актов борьбы и преследования, так как без этого у него нет никаких шансов на выживание. Наученный Робинзоном курить, дикарь по неосторожности взрывает пороховой погреб, в котором исчезают все следы цивилизованной жизни, что способствует переходу к естественной дикой жизни и главного героя.

Пятница общается с прибывшими людьми на остров, главный герой хочет рассказать ему «...леденящие душу подробности работорговли и жизни чернокожих в бывших чанглийских колониях». Однако Робинзон не успевает предупредить Пятницу, тот покидает его: «Все двадцать восемь лет ...разом обрушились на его плечи. Для старика нет худшего проклятия, нежели одиночество». Герой был готов умереть в недрах острова, но этому препятствует появление ребенка, который сбежал с корабля. Столь долгая череда духовных преобразований Робинзона замкнулась. Он называет мальчика Четвергом, тем самым создает дальнейшую перспективу «возможивания» (по Ж. Делёзу, «Мишель Турнье и мир без другого»)

Наибольшим изменениям подвергается механизм желания главного героя, поскольку объектом сексуального устремления становится остров. Первоначально Робинзон Крузо называет местопребывание островом Скорби, но, убедившись, что «...отчаяние движет человеком, побуждая его к действиям», переименовывает его в Сперанцу (от итальянского слова «среганза» – «надежда»,озвученного французскому «сереганс»). Отношения со своей «возлюбленной» Сперанцей он переводит в ранг библейского канона несокрушимой верности. Однако остров – это антипод библейскому раю, это «антирай», поскольку постепенно разрушается аппарат речи Робинзона, затем трансформируется сознание, а потом и вовсе погибает надежда на возвращение к иной форме бытия. В finale романа Робинзон воспринимает Сперанцу как остров Смерти: «Смерть – вот тот самый остров, чей покой никто больше никогда не нарушит, и разве не стала она уже многие десятилетия назад той формой вечности, которая отныне сделалась единственной возможной для него?».

М. Турнье выворачивает наизнанку классическую историю, рассказалую Д. Дефо, придавая ей современный смысл: у него природа побеждает цивилизацию, воспитатель превращается в воспитуемого, культура отступает под натиском первобытного мышления как более органичного, естественного. И если роман Д. Дефо был гимном рождающемуся индустриальному обществу, роман М. Турнье отрицает основы этого общества, возлагая надежды на возможность обновления человека, возвращения к истокам.

Герой М. Турнье обретает путь к мифической свободе только благодаря Пятнице, отказавшись от «безумия» культуры и истории, вернувшись к детской наивности дикаря, к «...состоянию равновесия, что предшествует культуре». Таким образом, М. Турнье, в противовес рационалистической, просветительской фигуре Д. Дефо, создал нового дикого и свободного от угнетающей цивилизации Робинзона. Произведения М. Турнье интертекстуальны, однако он стремился к сведению воедино образа и сути. Для него роман – это художественное исследование современного мира при помощи неомифа – культурологической переработки мифа, когда произведение может являться мифопоэтическим.

Библиографический список

1. Пьянзина, В. А. Авторский миф как жанр современной литературы / В. А. Пьянзина // Universum: филология и искусствоведение. – 2017. – № 9 (43). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/avtorskiy-mif-kak-zhanr-sovremennoy-literatury>.
2. Лосев, А. Ф. Диалектика мифа / А. Ф. Лосев. – М.: Правда, 1990. – 429 с. URL: www.litmir.me/br/?b=61871&p=1.
3. Борунов, А. Б. Авторский миф в современном постмодернистском романе / А. Б. Борунов, Е. В. Шерчалова // Филологический класс. – 2021. – № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/avtorskiy-mif-v-sovremennom-postmodernistskom-romane>.
4. Ржевская, Н. Ф. Мишель Турнье / Н. Ф. Ржевская // Французская литература 1945–1990. – М.: Наследие, 1995. – С. 666–677.
5. Делёз, Ж. Что такое философия? / Ж. Делёз, Ф. Гваттари. – М.: Академический проект, 2009. – 261 с.
6. Турнье, М. Пятница, или Тихookeанский лимб: роман / Мишель Турнье; [Пер. с фр. И. Я. Волевич]; [Послесл. Ж. Делеза]. – СПб.: Амфора, 1999. – 301 с.
7. Французская литература 1945–1990 / под ред. Н. И. Балашова. Рос. Акад. наук, Ин-т мир. лит. – М.: Наследие, 1995.
8. Делёз, Ж. Мишель Турнье и мир без другого / Ж. Делёз // Турнье М. Пятница, или Тихookeанский лимб. – СПб.: Амфора, 1999. – С. 282–302.
9. Абрамова, И. Ф. Робинзон Крузо в интерпретации Мишеля Турнье / И. Ф. Абрамова. URL: <https://journals.kantiana.ru/>.

Камаева Анастасия Сергеевна

ст. преподаватель (Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь)
askamatayeva@gmail.com

БИБЛЕЙСКИЙ КОНТЕКСТ СТИХОТВОРЕНИЯ ТЕОДОРА ТАГЕРА «LILIE»

Поэтическое наследие австрийского писателя Т. Таггера вобрало в себя как библейский архетекст, так и творчество современников. Влияние Р. М. Рильке отражается в тематике и образности лирических произведений из сборника «Новые стихотворения».

Ключевые слова: архетекст; австрийский экспрессионизм; Библия; Райннер Мария Рильке; Теодор Таггер.